

УДК 100.199

Ю.В. Смирнов¹, С.В. Малов²**РЕАЛИЗМ В ФИЛОСОФИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ:
ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ ОБЪЕКТА**УМЦ по ГОЧС Нижегородской области¹,
Нижегородская государственная медицинская академия²

Предметом анализа в настоящей статье является реализм в философии и методологии истории, его основные проблемы, которые возникают при осмыслении вопросов реконструкции объекта исторического познания. Исследуются различные методологические подходы в рамках профессиональной историографии и философии истории, их основоположения, чтобы выявить основные проблемы, возникающие при осмыслении вопроса относительно возможности реконструкции объекта исторического познания. В ходе анализа делается попытка осмысления возможностей исторического реализма и его основных противоречий.

Ключевые слова: реализм, позитивизм, неокантианство, герменевтика, постструктурализм, история, объект, психологизм, образ прошлого, общезначимость, эффект реальности.

Принято считать, что исходными посылками исторического исследования (какой бы методологии ни придерживался историк) являются следующие методологические позиции. Во-первых, мысль о наличии специфического предмета исследования. Во-вторых, - о том, что этот предмет, каким бы специфическим он ни представлялся, подлежит такой реконструкции, которая бы не противоречила в основных своих чертах нормам нововременной рациональности. В-третьих - мысль о том, что реконструируемый объект подлежит целостному охвату (независимо от методологических проблем, которые при этом появляются) и вследствие этого обладает имманентными ему, независимыми ни от чего внешнего по отношению к нему законами, тенденциями, определяющими его существование [1, с. 5–6]. Нас интересуют две взаимосвязанные проблемы: проблема осознания историей своего объекта и вытекающая отсюда проблема его реконструкции в рамках общезначимой интерпретации. Эти вопросы могут быть рассмотрены и проблематизированы в рамках полемического сравнения разнообразных методологических подходов в философии и методологии истории, основывающихся как на реалистических, так и на конструктивистских по отношению к онтологическому статусу предмета познания положениях.

Говоря о реалистической методологии как о методе репрезентации исторической наукой своего предмета, следует заметить, что его основные черты связаны с методологией позитивизма, появившегося в XIX веке, опиравшегося на нормы научности Нового времени. Ее оформление было сопряжено с такими проблемами, как выделение части сущего в качестве особенного предмета изучения, выработка метода, позволяющего достоверно его интерпретировать в рамках норм классической рациональности. В итоге продолжительного периода формирования, сопровождавшегося становлением и кризисом философии истории, философия в союзе с профессиональной историографией выработала понятие о предмете исследования, равно как и о чертах, которые должны быть присущи методу его реконструкции.

1. Историческая наука не является метафизикой, ее предмет может быть верифицирован. Сторона сущего, изучаемая историей, не может быть редуцирована к природе, ибо ее сущность выявляется в развитии [2, с. 68–69].

2. Задачей исторической науки становится объективная (=беспристрастная, как в естественных науках) реконструкция фактов прошлого в их развитии (так, как это было на самом деле), которая достигается за счет критики источников, как полагал, к примеру, немецкий историк Леопольд Ранке. Согласно немецкому историографу, «сущность явлений

скрыта от исследователя... история, как и естественные науки, стремится проникнуть в глубокую суть явлений, а не ограничивается только сбором фактов» [3, с. 148–150].

3. Беспристрастность знания достигается за счет опоры на факты источников, методы их критики, а также – формально-логические средства мышления.

Суммируя все это, важно отметить, что, формулируя методологические основания специфики своей предметности и метода, историческая наука и философия XIX века допустили следующие исходные посылки в рамках профессиональной парадигмы. Во-первых, предметом изучения исторической науки является «прошлое» общества или факты прошлого. Данное изучение приводит к выявлению их сущности, причинно-следственных связей между ними (позитивизм), а также их имманентного смысла (неокантианская историография) [4]. Во-вторых, вышперечисленное знание выводимо из исторических фактов, получаемых из источников путем их рациональной филологической критики. Все специфически исторические методы не противоречат нововременной рациональности, опиравшейся на формальную логику. В-третьих, знание прошлого должно было привести к осознанию направленности развития общества. В то же время признается, что его проблематично осуществить вследствие социально-политической ангажированности труда историка. Получается, что метод плюс свободный от предрассудка разум ученого являются мостиком между ним и *пред-метом* его изучения. Можно выявить следующие противоречия, с которыми столкнулась классическая историография, претендующая либо на толкование прошлого как предмета изучения, либо на построение «охватывающих законов» истории, когда будущее дедуцируется из прошлого. Во-первых, сам онтологический статус **«прошлого»** как объекта (ob-jectum) (или **пред-мета**, что эквивалентно) предполагает, что прошлое *пред-лежит* субъекту познания, открываясь его тотальному господствующему взору [5, с. 70-71]. Однако прошлое не может быть дано нам как таковой объект, ибо оно есть то, «чего уже нет». Следовательно, исходя из данной трактовки, история проблематична как наука о «жизненном мире», поскольку ее предмет эмпирически непознаваем. Во-вторых, факты как предмет рациональной интерпретации не могут быть получены «как они были», поскольку историк располагает не самими фактами, а сведениями о них. В-третьих, знание о направленности развития и прогрессе не может быть получено посредством индуктивных обобщений и цепочек причинно-следственных связей. Сам историк, по замечанию Г. Г. Гадамера, является включенным в предмет своего исследования, в отличие от своего коллеги-естественника, и поэтому на всестороннее и объективное прочтение своего предмета претендовать не может [6]. А историография не является архивом, музеем или бесконечной кладовой исторической памяти, наоборот, она связана прагматическими нитями со своим предметом [7]. Причем требование подобной объективности исследования приводит, во-первых, к торжеству психологизма, как способа понять «чужую одушевленность» (перенесение категорий историка в прошлое). Во-вторых, – к абсолютизации познавательных возможностей человека, связанной со стремлением отказаться от влияния любых традиций, субъективных точек зрения ради торжества идеала объективности. «Генетический детерминизм» – одна из форм проявления этой абсолютизации, когда историк, движимый идеей понять «истоки» того или иного явления, по существу, игнорирует природу самого явления, которое может конструироваться на невыводимых ниоткуда основаниях. Подобного рода наложение идеи причинности на исторически событийный ряд является следствием естественной установки нашего мышления, конструирующего генетическую связь явлений поверхностно, не изучая самого явления, которое может покоиться на невыводимых ниоткуда основаниях. Торжество психологизма, по мнению А.Л. Юрганова приводит к подмене изучаемого феномена руководящей точкой зрения исследователя, что в свою очередь приводит к конструированию изучаемого факта исследователем. Позитивистский метод постижения истории неизбежно ведет к признанию принципа единообразия в психической деятельности человека, за счет чего он способен выйти за границы фактов, данных ему фрагментарно, однако это грозит опасностью перерастания позитивизма как типа исторического реализма в неявный конструктивизм. Так, А.Л.

Юрганов считает, что, поскольку позитивистский идеал полностью верифицированного знания прошлого недостижим, поскольку мы имеем в виду лишь разрозненные факты источников, которые суть точки зрения современников этого прошлого на описываемые события. Поэтому историк имеет дело не с самой реальностью, а с ее образом, смыслом, другими словами, «в историко-антропологическом рассмотрении истории предмет определяется как образ прошлого, который «в результате наших настойчивых усилий создается из дошедших до нас посланий исторических источников» [7].

Получается, что у истории как науки два пути: либо утверждать, что факт прошлого и его смысл уже дан в историческом источнике (в таком случае его остается лишь установить, отделив существенное от несущественного), либо признать, что его отражение заведомо неполно, поскольку далеко не всегда тот или иной памятник или документ изначально задумывался как источник. В последнем случае интерпретация прошлого подразумевает, что объект познания существует не как целостный объект, а в разрозненных и зачастую бессистемно данных нам артефактах, с чем и сталкивается историк на начальных этапах своей работы. Таковое понятие интерпретации подразумевает, что целостное знание историка о предмете изучения не дано заранее в источнике, а является результатом его исследовательской фиксации, действующей как общенаучные, специфически-исторические методы, категории, так и личный исторический и жизненный опыт историка. Искомый смысл события является результатом снятия противоречия между историком и объектом интерпретации, как своим и чуждым, доступным для непосредственного понимания и скрытым. Интерес историка делает возможным освоение разрозненных артефактов и формулирование исследовательской проблемы, структурирующей предмет исследования. Реальность предмета интерпретации есть упомянутое ранее натяжение между объектом и субъектом, поскольку предмет исследования открывается историку в той мере, в которой он способен своим разумом, личным, общекультурным опытом «высветлять» искомую сущность объекта, не данную ни в опыте, ни в артефактах.

Другими словами, данный подход предполагает диалектику тождественного и иного, когда субъект и объект познания онтологически равны друг другу, а объект познания является «иным» субъекта, его минувшим состоянием. Процесс познания представляет собой процесс погружения в реальность своего **Иного**, вводящий наличные изначально предпонятия, руководящие точки зрения в игру, цель которой истолковать феномен прошлого в процессе их различения с собственными предрассудками, когда субъект познания одновременно равен и неравен ему (осознает себя принадлежащим ему и выходящим за его пределы), фиксируя его реальность как результат различения себя настоящего и бывшего (прошлое и настоящее субъекта познания). «Приступая к исследованию, историк имеет некоторое первоначальное представление о проблеме, почерпнутое из своего или чужого опыта» [9, с. 15]. «Мыслить исторически, – писал Х.-Г. Гадамер, – значит проделать те изменения, которые претерпевают понятия прошедших эпох, когда мы сами начинаем мыслить в этих понятиях. Историческое мышление всегда и с самого начала включает в себя опосредование этих понятий с нашим собственным мышлением» [6]. Однако проблематичным в данном случае является полное и адекватное знание о прошлом в его развитии, поскольку абсолютным знанием может обладать лишь Абсолютное, трансцендентное историческому миру сознание. Выходит, что знание о прошлом не может исключать субъекта, формулирующего понятие о прошлом, исходя из ряда развития, который построен на основании некоторых онтологических допущений о связи прошлого и настоящего, ценностях и целях развития, о современной исследователю эпохе, которая информационно шире его индивидуальных познавательных возможностей.

Получается, что метод эмпирических обобщений, культивируемый в XIX веке позитивизмом, не мог быть «позитивен» для самой исторической науки и требовал в качестве дополнительного какого-то другого метода (например, герменевтического), не связанного с нормами рациональности парадигмы, принимавшей за основу исследования эмпирическую логику. Нормы научности настаивали на том, что история как позитивная наука должна вы-

водить свое знание из фактов, вступая в противоречие с интенциями самой историографии по поводу своего предмета как не поддающегося всецело такой интерпретации.

Можно отметить ряд мыслителей, пытавшихся обойти эту проблему и тем самым завершить теоретическое обоснование научности истории. Это, во-первых, баденская школа неокантианства в лице Г. Риккерта, выдвинувшего идею индивидуализирующего метода. В основе его концепции лежит положение, согласно которому «исторический мир» есть точка зрения на действительность, акцентирующая внимание на уникальное в отличие от генерализирующего метода естественных наук. Данный исторический мир состоит из коллективных индивидуальностей, которые обладают как внутренней, так и внешней в их отношении целесообразностью (например, эпоха Возрождения может познаваться и как изолированный, и как связанный с другими событиями феномен). Однако здесь возникает закономерный вопрос о том, как возможно познание этой целесообразности в рамках упомянутой выше проблемы взаимодействия субъекта и объекта исторического познания. Г. Риккерт полагал, что это достигается путем процедуры отнесения к ценности, когда субъект способен уяснять внутренние цели и идеалы той или иной эпохи и тем самым переходить к более или менее ее аутентичному описанию [10]. В рамках такого подхода у неокантианства нет слабых сторон, поскольку возможность такого подхода уже реализована, в частности, П. Бицилли и Л. Карсавиным, задействовавшими метод «среднего человека» при синхронистическом описании эпохи Средневековья. Трудности начинаются при попытке обосновать и познать взаимосвязь этих коллективных индивидуальностей в историческом времени. Проблематично построить такую телеологию, которая бы раскрывала единственно верную цель их развития и в то же время была бы связана с внутренней логикой развития исторических индивидуальностей. Неизбежным становится навязывание внешней по отношению к ним цели или ценности, которой для Г. Риккерта становится идея свободы, все более актуализировавшаяся в его современности. Поэтому теория истории неокантианцев оказывается неспособной преодолеть противоречие конечного субъекта познания и объекта познания, как бесконечной во времени и пространстве исторической реальности.

Внесение идеальной цели в развитие наличного бытия характерно и для К. Маркса, связывающего актуализацию цели исторического процесса с разрешением традиционной гегелевской дилеммы необходимости и свободы и самопознанием передового класса - пролетариата. По словам В. Асмуса, «в устах К. Маркса известный тезис Бэкона, отождествлявший знание с силой, превращается из частного принципа технологии... в совершенно универсальный принцип теории познания, в том числе познания исторического» [11, с. 190]. Это означает, что для К. Маркса характерно стремление поставить объективные законы истории на службу обществу, используя их для достижения идеалов жизнеустройства, которые бы априори разделялись всем человечеством. Однако К. Маркс неизбежно впадает в субъективизм, постулируя, что направленность истории совпадает с интересами «передового класса, представляя частное как всеобщее. Ввиду этого становится неизбежным конструирование субъективного ряда развития, вносимого в исторический процесс лидерами «авангардного класса». Налицо примат должного над сущим, и последующая достройка смысла и направленности исторического процесса. Выражаясь терминами М. Хальбвакса, К. Маркс, делая историческую науку основой социального действия (освобождения пролетариата), задает систему координат социальной памяти, в рамках которой история представляет собой лишь процесс борьбы классов, таким образом, история как процесс задается социальной памятью победившего пролетариата [12]. Таким образом, реконструкция прошлого всегда связана с проблемой социальной власти, ее классовым характером, так как именно победивший в социальной борьбе класс задает рамки социальной памяти, задавая нормы общественной традиции, которая отбирает, что достойно, а что нет общественного запоминания. Это характерно не только для страны победившего пролетариата, но и для предшествующей историографии, в рамках которой история была лишь способом созерцательного отношения к процессу развития, формой отчуждения человека от его подлинных целей и задач в истории.

Альтернативой был метод описательной психологии В. Дильтея, предполагающий, что познание прошлого выстраивается по аналогии с познанием чужого сознания. Постигая чужое сознание, историк может уяснить его суть, основываясь на объективациях последнего в общественной жизни: речи, практической и прочей деятельности. Конкретный индивид, согласно В. Дильтею, есть носитель всеобщей цели, наличие которой и конституирует культуру как единый организм, систему. По словам немецкого философа истории, «любое единичное жизнепроявление репрезентирует в царстве духа нечто общее» [13, с. 192]. Именно поэтому возможно понимание не только конкретной личности, но и целого общества, исходя из анализа массы индивидуальных проявлений той системы отношений, которая задается идеальной нормой, целью существования данного общества. Немецкий мыслитель подмечает следующие проблемы исторического метода: трудность фиксации в понятиях системного анализа исторического как постоянно становящегося, сложность постижения истории в целом, а также сложности, возникающие при попытке субъекта познания добиться совпадения личного и коллективного опытов исторической реальности. По В. Дильтею, «образование понятий в науках о духе не фундировано нормами или ценностями... оно возникает в ходе движения, господствующего над всем понятийным мышлением и направленного на выявление в изменчивом потоке устойчивого и постоянного» [13, с. 192]. Первая проблема разрешается посредством указания на то, что каждая эпоха имеет свои органические, определенные господствующей ценностью рамки, отделяющие ее от другой эпохи. Однако во втором случае возникает проблема согласования конструируемого ряда развития индивидуально-стей, который, никогда не может быть завершен, и самих культурных организмов прошлого, суть которых должна необходимо уясняться из целого как итога развития. Последнее, как было указано, недостижимо для дильтеевской методологии истории, стремящейся порвать с конструирующей историческую реальность метафизикой Гегеля. Другая трудность возникает, когда исследователь пытается обосновать познание прошлого, опираясь на герменевтический метод. Понимание прошлого только тогда приводит к результату, когда в прошлом настоящего есть тождественное нам сознание. Познавательная конструкция немецкого интеллектуала покоится, поэтому на недоказуемой посылке об общности человеческой природы, что противоречит историческому взгляду на мир. Также важен отмеченный В. Дильтеем исток исторического чувства: стремление человека познать смысл собственного существования пред лицом неожиданной смерти, постоянная близость которой и заставляет субъекта задаваться вопросами о смысле личного бытия. «Любое единичное жизнепроявление репрезентирует в царстве этого духа нечто общее» [13, с.192]. Представление об истории как биографии личности переносится на коллективный субъект и, следовательно, возникает история как наука, выполняющая функцию самопознания общества. Слабым местом теории В. Дильтея является отсутствие конкретного способа осуществления такового познания, вследствие чего подобную философию и теорию истории можно открыто назвать субъективистской.

Данные проблемы являются производными того, что термин «*реализм*», претерпевший многовековое развитие в рамках европейской культуры, происходит от позднелатинского «*realis*»-материальный, вещественный, производного от «*res*» – вещь. Поэтому исторический реализм означает стремление не просто эксплицировать объект в рамках общих понятий и суждений, но и представить его как конкретное жизненное единство, «жизненный мир», который может быть эмпирически, как объект восприятия. Однако даже при подобной предпосылке реализм в историографии сложно реализуем, поскольку объект упомянутой интерпретации, будь то процесс или отдельная историческая эпоха, не дан непосредственно исследователю. Кроме того, с точки зрения здравого смысла и понимания термина «объект» (брошенное перед кем-то), становится проблематичным говорить о каком бы то ни было реалистическом объяснении-описании объекта, принадлежащего в основном прошлому либо данному лишь фрагментарно.

Проблема осложняется еще и тем, что историк, претендуя на определение исторической реальности в рамках исторического реализма, неявно предполагает наличие в своем ис-

следовательском сознании метапозиции. Она позволяет ему выйти за пределы изучаемого им объекта «история», сравнить этот объект с объектом «природа» и так далее, чтобы претендовать на определение того, в чем состоит специфика его предмета исследования (И почему то, что он исследует, не есть предмет естествознания и не может им полностью быть?). Это, несомненно, философско-реалистическая предпосылка конкретно-исторического исследования, которая неявно присутствует во всяком историческом исследовательском тексте. Она является метафизическим условием историко-научного исследования, позволяющим историку уяснить сущность исторического через его умозрительную достройку.

Предмет исторической науки, как бы мы его различно ни толковали, в основной своей сумме представляется как *прошлое*, то есть то, чего уже нет, но что все равно присутствует в нашей памяти как «настоящее прошлого» (если мы не придерживаемся исторических установок позитивизма), согласно определению Августина Блаженного [14, с. 45]. Поэтому предмет изучения историка не дан ему как наличное бытие и, стало быть, не представляет собой эмпирически данной конкретной реальности, в то время как сама этимология слова «реализм» требует наглядной здесь и теперь интерпретации. Можно ли говорить, исходя из этого, что историческая реальность не существует, что следует из обыденного толкования слова «существовать», либо следует полагать, что понятие о реальном в исторической науке и философии истории выходит за границы эмпирически наглядного созерцания. Поэтому оно означает также и то, что с точки зрения обыденного знания история представляет собой знание о том, что недоступно чувственному опыту, обладает как бытийным, так и небытийным статусом.

Как бытийный, так и небытийный онтологический статус истории как объекта познания приводит к возможности трактовки исторического факта как образа прошлого, конструируемого настоящим историком. В качестве сторонников трансцендентальной роли формы в историческом повествовании необходимо выделить Ролана Барта и Хейдена Уайта [15; 16]. Можно назвать следующие положения данных авторов. Во-первых, спорным является приоритет исторического факта перед последующими стадиями его формальной обработки. Это вытекает из того, что всегда перед началом интерпретации историк сталкивается с непреодолимым в индивидуальном плане и необозримым количеством фактов, значение которых, если они являются атомарными, далеко не очевидно. Во-вторых, невозможно никаким дедуктивным или индуктивным способом доказать движение истории в каком-то строго определенном направлении, поскольку исходя из фактов это сделать невозможно, а дедуктивная попытка будет заведомо противоречива. В-третьих, любая попытка построить исторический ряд, исходя из фактов, будет приводить к построению календаря, лишённого направленности, которая осуществляется через внесение сюжетной интриги. Поэтому огромную роль в построении сюжетов играет тропологическая стратегия, а именно комбинация типа построения сюжета, идеологического подтекста, доказательства, с помощью которых историк упорядочивает массив исторических фактов. Формулируя понятие о причинно-следственной связи событий, выражая это знание в концепте, например, «Французская буржуазная революция», автор текста выражает не реальное время, а условное социальное время, органично включенное в современный культурный контекст. Время выглядит как последовательность дискретных пунктов (событий), с постоянной отсылкой читателя к референту (условной, означаемой реальности), на который автор ориентируется и по отношению к которому он располагает все события. Сложившийся нарратив имеет начало (общую ориентацию), середину (постановку проблемы, ее оценку и разрешение), конец (кodu и возвращение к настоящему). Таким образом утверждается мысль об объективности повествования, включенности читателя в условную историю, в создаваемую реальность (темпоральность есть структура исторического повествования основанная на построении вокруг нее сюжетной интриги с завязкой, кульминацией и развязкой). Таким образом то, что историки представляют как объективную историческую реальность есть эффект реальности – речевая конструкция. Так или иначе, творчество такого рода порождает то, что Р. Барт называет «эффектом реальности» в глазах наивного читателя [15, с. 427–441].

Он отмечает, что этот эффект достигается за счет того, что «субъект высказывания стремится отсутствовать в своем дискурсе, то есть когда дискурс систематически не содержит знаков, отсылающих к отправителю историографического сообщения; история рассказывается как бы сама собой. На самом деле в этом случае отправитель дискурса исключает из него свою эмоциональную личность, зато подменяет ее другой, «объективной» личностью; субъект вполне сохраняется, но как объективный субъект». Таким образом, «на уровне дискурса объективность – отсутствие знаков субъекта высказывания – предстает как особая форма воображаемого, продукт так называемой референциальной иллюзии, поскольку историк здесь делает вид, будто предоставляет говорить самому референту». В итоге получается, что «референт отделяется от дискурса, становится для него чем-то внеположно-фундаментальным, считается, что он всем заправляет; это фаза истории как *res gestae*, а дискурс выдает себя просто за *historia rerum gestarum*; но во второй фазе уже само означаемое вытесняется и сливается с референтом, а референт вступает в прямое отношение с означаемым» [13, с. 427-441].

Если предоставить слово профессиональным историкам и философам, то онтологический статус исторической реальности можно фиксировать либо на уровне остатков прошлого, его артефактов, следов, по определению М. Блока, либо на уровне преданий, функционирующих в современном исследователю обществе текстов – носителей информации о прошлом культуры [14, с. 45]. Историческое прошлое, как полагает исторический реализм, имеет тенденцию сохраняться как подлежащая дешифровке-декодированию информация, несущая знание не только о состояниях и изменениях объекта интерпретации в прошлом, но и о том, что представляет собой объект в данный момент своего исторического бытия и даже, возможно, о том, каков он будет в будущем. По словам А. В. Гулыги, «диалектика позволяет различать понятия «бытие» и «существование»: первое значительно шире второго» [9, с.12]. По его мнению, «реально не только настоящее, реально также и прошлое, реально будущее... минувшее живет в созданных человеком производительных силах, общественных связях, политическом строе, традициях» [9, с.12]. В общем, согласно классификации, прошлое способно сохранять себя в собственных артефактах, либо источниках, то есть в исторической памяти.

Возникают следующие проблемы, которые должны быть разрешимы в рамках методологии истории, претендующей на объективное знание. Если существует внеязыковая историческая реальность, то должны существовать и соответствующие инвариантные формы и механизмы мысли, с помощью которых возможно ее познание. Таковые могут быть только трансцендентальными (=неизменными), ибо историческая реальность в ее познании провозглашается неизменной, могущей быть завешенной. Каковы же модели этой исторической мысли? Если историческая реальность – реальность внеязыковая, то, как будет соотноситься язык познания и его предмет, если предмет, таким образом, по своей природе внеположен языку. Получается, что историческая реальность не может не быть реальностью символического, невещественного, идеального характера. Факты истории встраиваются в текущую жизнь, связаны с общезначимыми и индивидуальными ценностями. Все эти доводы позволяют считать, что даже при реалистическом подходе к историческому познанию существует опасность его перерастания в конструктивизм, полагающим прошлое лишь в качестве образа, являющегося либо риторическим, либо категориальным конструктом.

Библиографический список

1. Карсавин, Л.П. Философия истории / Л. П. Карсавин. – М.: Хранитель. 2007. – 543 с.
2. Дройзен, И. Г. Историка: [пер. с нем. Федоровой Г. И.] / И. Г. Дройзен. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2004. – 583 с.
3. Смоленский, Н. И. Теория и методология истории / Н. И. Смоленский. – 2-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 478 с.

4. Лаппо-Данилевский, М. А. Методология истории / М. А. Лаппо-Данилевский. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 622 с.
5. Хайдеггер, М. Время картины мира / М. Хайдеггер // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. – СПб.: Наука, 2007. – 447 с.
6. Гадамер, Г. Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики: [пер. с нем.] / Г. Г. Гадамер; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
7. Февр, Ж. Бои за историю. – М.: Наука, 1991. – 519 с.
8. Каравашкин, А.В. Опыт исторической феноменологии: Трудный путь к очевидности / А.В. Каравашкин, А.Л. Юрганов. – М.: РГГУ, 2003. – 385 с.
9. Гулыга, А. В. Искусство истории / А. В. Гулыга. – М.: Современник, 1980. – 288 с.
10. Риккерт, Г. Границы естественнонаучного образования понятий / Г. Риккерт. – СПб.: Наука, 1997. – 532 с.
11. Асмус, В. Ф. Маркс и буржуазный историзм / В. Ф. Асмус. – М.: Гос. соц.-эконом. Издательство, 1933. – 512 с.
12. Хаттон, П. История как искусство памяти / П. Хаттон. – М.: Изд-во Владимир Даль, 2004. – 424 с.
13. Дильтей, В. Построение исторического мира в науках о духе: [пер. с нем. В. А. Куренного]. Собрание сочинений в 6 т. / Вильгельм Дильтей. – М.: Три квадрата, 2004. – 367 с.
14. Блок, Марк. Апология истории / Марк Блок. – М.: Наука, 1973. – 263 с.
15. Барт, Ролан. Дискурс истории / Р. Барт // Система моды. Статьи по семиотике культуры. – М.: АГРАФ, 2003. – 412 с.
16. Уайт, Хейден. Метаистория: [пер. с англ. Е. Г. Трубиной, В. В. Харитоновой] / Хейден Уайт. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. – 528 с.

*Дата поступления
в редакцию 16.10.2012*

Y.V. Smirnov¹, S.V. Malov²

REALISM IN PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF HISTORY: PROBLEM OF OBJECT RECONSTRUCTION

The training center for civil defense and emergencies of Nizhny Novgorod region¹,
Nizhny Novgorod State Medical Academy²

Subject, theme, purpose of the work: The set of realistic methods for describing the social and historical existence, the possibility of constructing a realistic methodology for stories based on them. Purpose - to identify the main features of realism in the philosophy of history and historiography, its main problem in comparison with the constructivist approach to historiography.

Methodology: The methodology is based on the dialectic paradigm of acts, supplemented by hermeneutic approaches.

The results and their range of application: In this paper we analyzed the concept of «realism» which is important for philosophical knowledge and methodology of science, namely:

Value: Content of the article can be used in the preparation of lectures, seminars and tutorials at the rate of general philosophy, epistemology, philosophy and methodology of science.

Conclusions: A realistic method does not deny the existence of a priori (prior to a particular philosophical and historical experience) meaning of life, but not limited to, obliging the knowing subject to produce a conceptual completion of consideration of reality. Recognition of a priori meanings, with their mandatory completion is especially true for a realistic description of the changing time of the historical existence. The notion of historical realism means not simply the desire to explicate the object within the general concepts and judgments, and present it as a concrete unity of life, "life-world." The line between realism and constructivism is quite mobile, which is determined by the degree of completion of the described conceptual reality. The higher this degree, the more prone to develop into a realistic constructivism.

Key words: realism, positivism, Kantianism, hermeneutics, constructivism, history, object, psychology, the image of the past, validity, effect of reality.